

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2022. Т. 14, № 2. С. 68–77

The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2022. Vol. 14, № 2. P. 68–77

Научная статья

УДК 338

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-2/068-077>

Государственные программы развития Дальнего Востока: оценка их реализации

Латкин Александр Павлович

Макиевская Юлия Юрьевна

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Владивосток. Россия

***Аннотация.** В представленной статье на основе теоретического обобщения научных публикаций российских и зарубежных авторов, а также анализа большого массива статистических данных отмечается низкая эффективность осуществляемой в постприватизационный период государственной политики развития Дальнего Востока. Сделан вывод о том, что основной проблемой такого положения является отсутствие системного обсуждения итогов реализации многочисленных стратегий и программ регионального развития в научно-образовательной и общественной среде, рассогласованность политического, управленческого, финансового и кадрового блоков. В подтверждение этого приводится динамика сокращения объёмов промышленного и сельскохозяйственного производства, грузооборота морских портов, а также численности дальневосточного населения. Обосновывается значимость принятой в 2020 г. Новой Национальной программы развития Дальнего Востока до 2024 г. и на перспективу до 2035 г. и правительственных мер по её выполнению. Общественным приоритетом при этом должно стать стопроцентное выполнение российским государством всех программных обязательств по сдаче в эксплуатацию намеченных на Дальнем Востоке объектов социальной и транспортной инфраструктуры, прежде всего здравоохранения и образования.*

***Ключевые слова:** Дальневосточный регион, государственная политика, развитие, тенденции, анализ, приоритетные направления, среднесрочная перспектива.*

***Для цитирования:** Латкин А.П., Макиевская Ю.Ю. Государственные программы развития Дальнего Востока: оценка их реализации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2022. Т. 14, № 2. С. 68–77. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-2/068-077>.*

Original article

State programs for the development of the Far East: assessment of their implementation

© Латкин А.П., 2022

© Макиевская Ю.Ю., 2022

68

Aleksandr P. Latkin

Yulia Yu. Makievskaya

Vladivostok State University of Economics and Service

Vladivostok, Russia

Abstract. *In the presented article, based on the theoretical generalization of scientific publications of Russian and foreign authors, as well as the analysis of a large array of statistical data, the low efficiency of the state policy of development of the Far East carried out in the post-privatization period is noted. It is concluded that the main problem of this situation is the lack of a systematic discussion of the results of the implementation of numerous strategies and programs of regional development in the scientific, educational and public environment, the inconsistency of political, managerial, financial and personnel blocks. In confirmation of this, the dynamics of reducing the volume of industrial and agricultural production, cargo turnover of seaports, as well as the number of the Far Eastern population are given. The significance of the adopted in 2020 is substantiated. The new National Program for the Development of the Far East until 2024 and for the future until 2035 and government measures to implement it. At the same time, the public priority should be one hundred percent fulfillment by the Russian state of all program obligations for the commissioning of social and transport infrastructure facilities planned in the Far East, primarily health-care and education. ure until 2035» adopted in 2020 and priority government measures for its implementation are substantiated.*

Keywords: *Far Eastern region, state policy, development, trends, analysis, priority areas, mid-term perspective.*

For citation: *Latkin A.P., Makievskaya Yu.Yu. State programs for the development of the Far East: assessment of their implementation // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2022. Vol. 14, № 2. P. 68–77. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-2/068-077>.*

Введение

Без преувеличения можно сказать, что не только российским, но и значительной частью мирового истеблишмента успешность осуществляемой в России государственной политики создания высокоэффективной экономики с достижением адекватного ее природно-ресурсного потенциала, уровня качества жизни населения оценивается по динамике развития крупных и геостратегически важных регионов России. Одним из таких регионов является Дальневосточный, где на протяжении практически всего XX столетия, начиная с царских времен и заканчивая периодом социалистического планового хозяйствования, осуществлялись различные модели государственного управления при использовании как экономических, так и внеэкономических регуляторов. Это позволило к началу рыночных реформ сформировать здесь крупный научно-образовательный комплекс как основу возрастающего участия регионального промышленного производства, прежде всего машиностроения, рыбной, лесной, цветной, горно-химической промышленности и морского транспорта, в общесоюзном разделении труда. Ключевым результатом предреформенного периода можно считать высокую динамику роста макроэкономических показателей региона, в том числе его демографического потенциала, при стабильной мотивации населения центральных и западных районов России, особенно молодежи, к переезду на Дальний Восток. Так, за период с 1900 до 1991 г. численность населения региона выросла с 430 тыс. до 8,2 млн, т.е. в 19 раз, и по утвержденной в 1987 г. долгосрочной государственной программе к 2000 г. должна была достичь 10 млн чел. [2]. Но, к сожалению, уже на стартовом этапе перехода российской экономики

к рыночной модели развития в основном в силу допущенных стратегических ошибок в государственной политике сохранения производственного, научно-образовательного и демографического потенциала Дальнего Востока его роль в обеспечении национальных интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) при эффективном выполнении внешнеэкономической, транспортно-транзитной, природно-сырьевой и других функций стала устойчиво снижаться. Таков вывод авторов настоящей статьи, отечественных и зарубежных исследователей.

Основная часть

Обобщение теоретических исследований. Российский исследователь Н.В. Зубаревич [3, с. 226–230] выделяет выравнивающий, стимулирующий и геополитический приоритеты региональной политики. По мнению ученого, в 1990-е гг. Россия в своей региональной политике придерживалась выравнивающего приоритета, перераспределяя доходы от экспорта нефти и газа в условиях сверхцентрализованной системы управления. В 2000-е гг. возобладал геополитический приоритет, при котором основные усилия центра были направлены на обеспечение безопасности и удержание территорий, имеющих международное значение. Главным иностранным источником инвестиций для Дальнего Востока после 2014 г. стал Китай, который, возможно, будет более жёстко диктовать свои правила игры, потому что инвестиционные альтернативы России резко сузились. На наш взгляд, первостепенное значение для понимания дальневосточной политики России имеют труды П.А. Минакира [6, с. 7–17], который предлагает её периодизацию, обобщает традиционные проблемы и подходы. В соавторстве с О.М. Прокапало [7, с. 24–41] он показывает, что наилучших результатов Дальний Восток достигал в те периоды, когда государство совмещало внешнеэкономические цели и использование централизованных ресурсов с целями эндогенного воспроизводства в самом регионе, а наименее удачными были периоды, когда государство преследовало сугубо колониальную цель извлечения максимальной прибыли. П.А. Минакир также касается вопросов идеологии и общественного восприятия дальневосточной политики России. Сопровождавшая эту политику в 2014–2018 гг. массивная пропагандистская кампания сформировала устойчивые ожидания быстрых и положительных перемен в экономике и социальной сфере среди широких слоёв населения и бизнесменов. Этих изменений не произошло, что сильно разочаровало местное общество и привело к протестному голосованию на недавних губернаторских выборах в Хабаровском крае. Соглашаясь с этим выводом, авторы статьи считают, что в условиях свободного рынка экономика Дальнего Востока демонстрирует стремление к концессионному и вахтовому сценарию развития, при реализации которого могут возникнуть значительные проблемы для национальной безопасности, в том числе связанные с устойчивым сокращением населения и усилением сырьевой специализации на фоне быстро развивающегося Китая. По мнению Ю.А. Авдеева [1, с. 59–68], многочисленные меры центра по преодолению негативных демографических тенденций пока малоэффективны. В северных районах Дальнего Востока вахтовый метод является неизбежным следствием рыночной экономики, но в южных районах внешняя миграция вполне может стать драйвером устойчи-

вого развития. В 2010-е гг. Дальний Восток по не зависящим от российских властей рыночным причинам значительно потерял привлекательность для мигрантов из Северо-Восточной и Центральной Азии. В связи с этим в регионе требуется более либеральный миграционный режим, чем это предусмотрено федеральным законодательством. Во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса особый интерес в этом вопросе представляют публикации А.П. Латкина [4, с. 47–56]. Задолго до эксцессов на дальневосточных выборах 2018 г. он указал на то, что эффективное политическое управление Дальним Востоком требует существенного улучшения качества жизни, включая сравнительную стоимость питания, социально-бытового и коммунального обслуживания, более высокого качества здравоохранения и образования. Из зарубежных исследователей представляют интерес результаты масштабного социологического опроса Я. Адда [13, с. 140–143] (США), который доказывает, что в 1990–2000-е гг. Москва была не способна разработать эффективную политику на Дальнем Востоке и вызвала много разочарований у местного населения. Однако в течение ближайших десятилетий этот регион останется для России стратегическим приоритетом. С. Малле и Дж. Купер [14, с. 21–38], а также другие американские ученые, анализируя смещение вектора территориального развития России в АТР, приходят к выводу, что ускоренное развитие Дальнего Востока – это ответ России на развитие Китая. Они указывают на то, что укрепление обороны и развитие Востока России стали главными приоритетами правления В.В. Путина.

Авторы отмечают доминирование государства в территориальном развитии России и не отрицают, что оно может достигать положительных результатов, но считают, что это весьма затратная стратегия, а больший эффект дали бы равноправный диалог центра с региональными администрациями и бизнесом, расширение полномочий регионов в выборе и поддержке льготами проектов развития.

Представленная точка зрения некоторых ученых позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, принципиальная активизация внешней и региональной политики России на восточном направлении не подвергается сомнению как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Во-вторых, эффективность региональной политики России на Дальнем Востоке почти все авторы оценивают более или менее критично. Многие указывают на то, что на практике она, главным образом, отражает интересы крупного российского бизнеса, а развитие такой сложной и инерционной социально-экономической системы, как регион, находится на переднем плане лишь в декларативных и программных государственных документах. В-третьих, существует явный дефицит долгосрочных политических исследований, имеющих целью установление новых закономерностей и выработку новых научных законов на базе дальневосточной эмпирики, проведение межстрановых сравнений, построение работающих в различных государствах и исторических периодах моделей. Таким образом, по мнению авторов статьи, при реализации государственной политики в отношении ДВФО основной проблемой осуществляемых в последние годы программ по социально-экономическому развитию является отсутствие системного анализа их выполнения с открытым обсуждением в научно-образовательной и общественной среде, а

также то, что предложенные программы характеризуются рассогласованностью политического, управленческого, финансового и кадрового блоков.

Оценка динамики социально-экономического развития и реализации программно-подхода. Следует признать, что справедливость и обоснованность перечисленных и других результатов исследований подтверждаются статистическими итогами стартового этапа рыночных реформ в России, который можно определить завершающим десятилетием XX века. Так, за этот период, т.е. есть к началу 2001 года, стоимость ОПФ хозяйственного комплекса Дальнего Востока уменьшилась в сопоставимых ценах на 3,7 трлн рублей при достижении их физического износа даже в ведущих отраслях региональной экономики до 65–70%, т.е. практически до уровня невосстанавливаемости. Соответственно с этим объём промышленного производства в тех же сопоставимых ценах снизился на 2,8 млн рублей, сельскохозяйственного – на 3,7 млн рублей при выводе из оборота 18% пахотных угодий. На 28% уменьшился объём грузооборота дальневосточных морских и речных портов, произошло сокращение государственного звена исследования науки и высшего образования на 44%, уменьшилась численность выпускников в общеобразовательных школах на 39%, средних профессиональных заведений (ПТУ) на 56%, средних специализированных учебных заведений на 47%. Катастрофически уменьшилась численность населения Дальнего Востока – на 26%, т.е. с 8,2 до 6,1 млн чел. [8, с. 30–36]. За последние 25 лет было разработано и принято семь различных по масштабу и срокам стратегических и программных документов, регламентирующих развитие российского Дальнего Востока (таблица).

Программно-стратегические документы по развитию Дальнего Востока

№ п/п	Название и год принятия	Сроки реализации	Статус
1	ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы»	1996–2005	Постановление Правительства РФ от 15 апреля 1996 г. № 480
2	ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы и до 2010 года»	2002–2010	Постановление Правительства РФ от 19 марта 2002 г. № 169
3	ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года»	2008–2013	Постановление Правительства РФ от 21 ноября 2007 г. № 801
4	Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года	2009–2025	Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р
5	Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»	2014–2025	Распоряжение Правительства РФ от 29 марта 2013 г. № 466-р

№ п/п	Название и год принятия	Сроки реализации	Статус
6	ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года»	2014–2018	Постановление Правительства РФ от 6 декабря 2013 г. № 1128
7	Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»	2014–2025	Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308

Примечание: составлено по [9, с. 50–58].

Авторы статьи считают, что большого успеха данные программы и стратегии не обеспечили и главной причиной стало то, что их общей проблемой являлась расплывчатость целей и задач. Эта ситуация позитивно изменилась к 2008 г. Во-первых, к этому времени появилась ясная и важная внешнеэкономическая задача, которая должна была быть реализована именно на Дальнем Востоке, – подготовка к саммиту АТЭС-2012. Во-вторых, программа развития Дальнего Востока до 2007 г. была пересмотрена и утверждена на период 2008–2013 гг. Фактически она состояла из трех разделов:

- развития Владивостока как центра проведения саммита АТЭС-2012 (которая по стоимости составляла 2/3 общей ФЦП);
- создания новой ресурсной базы экспортного назначения на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, основу которой составили углеводородные месторождения шельфа острова Сахалина, Республики Саха (Якутии) и Иркутской области;
- создания магистральной экспортно-проводящей сети, в состав которой вошли нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан», газопроводные системы «Сахалин – СВА» и «Восточная Сибирь – СВА», усиление БАМа и Транссиба, транскорейская железная дорога, электроэнергетические мосты «Дальний Восток – Китай», модернизация морских портов Приморского и Хабаровского краев.

Данная программа стала первой после программ конца 1960-х – начала 1970-х гг., в которой четко преследовались вполне определенные цели национального уровня. В значительной степени благодаря этому программа стала первой успешной почти за 25 лет. Однако следует ясно понимать, что «успех» определяется не тем или иным значением статистических индикаторов, а достижением вполне определенных, «вещественных» целей: построенными и реконструированными производственными, социальными и инфраструктурными объектами, которые обеспечивают определенный количественный и/или качественный результат. В случае Дальнего Востока успех программы определялся завершением запланированного комплекса сооружений, предназначенных для саммита АТЭС в г. Владивостоке, а также созданием комплекса инфраструктурных объектов для обеспечения транзита углеводородов, металлов, электроэнергии в страны СВА. В апреле 2013 г. была утверждена новая государственная программа развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г. В этой

программе было четких задач экономического или внеэкономического характера, но предусматривались в расчете до 2018 г. еще более значительные затраты госбюджета, чем в предыдущей программе (по сравнению с 463 млрд руб. почти 820 млрд руб.). Впрочем, с учетом инфляции такое увеличение не кажется значительным, хотя условия формирования бюджета ужесточились.

Современный этап развития Дальнего Востока. С принятием программы развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г, новая редакция которой утверждена Постановлением Правительства РФ 15 апреля 2014 г., государственная политика фокусируется на достижении ускоренного развития при улучшении социально-демографической ситуации. Под «ускоренным развитием» по-прежнему подразумевается темп роста макроэкономических индикаторов (индексы роста валового регионального продукта, роста инвестиций в основной капитал, повышение доли региона в доходах консолидированного бюджета РФ и доли обрабатывающих производств в структуре ВРП региона, рост численности населения, что равнозначно росту числа рабочих мест) [10]. Предварительные итоги реализации программы позволяют сделать вывод о ее низкой эффективности вследствие несоответствия заложенных программных показателей базовым стратегическим целям развития макрорегиона и отсутствия механизма санкций со стороны высшего политического руководства в отношении ее исполнителей. В рамках политико-управленческого блока государственной политики в отношении развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года следует отметить существенный перекося в сторону развития экономического инновационного потенциала региона, выражающийся в реализации тактических мероприятий. При этом до настоящего времени не уделяется должного внимания вопросам поддержания и улучшения социальной сферы ДВФО. Именно этим обстоятельством можно обосновать принятие в 2020 г. Указа «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока» (основные положения Национальной программы развития Дальнего Востока до 2024 года и на перспективу до 2035 года), в котором определены следующие цели социально-экономического развития Дальнего Востока [15]:

- на период до 2024 года включительно:
 - превышение среднероссийских темпов роста показателей качества жизни населения, в том числе по таким основным направлениям, как повышение ожидаемой продолжительности жизни не менее чем на 5 лет, снижение смертности населения трудоспособного возраста не менее чем на 35 %, увеличение годового объема жилищного строительства в 1,6 раза;
 - превышение среднероссийских темпов роста показателей экономического развития, в том числе за счет увеличения объема накопленных частных инвестиций до 800 млрд рублей, создания не менее 200 предприятий на территориях опережающего развития и в свободном порту Владивосток, а также не менее 30 тыс. новых рабочих мест;
- на период до 2035 года:
 - прекращение миграционного оттока населения;
 - превышение среднероссийских показателей качества жизни населения;
 - превышение среднероссийских показателей экономического развития.

Несмотря на множество осуществленных и осуществляемых вариативных проектов, включая территории ускоренного социально-экономического развития (ТОР) и свободный порт Владивосток, при освоении значительных по объёму бюджетных и внебюджетных средств уже на начало 2021 года стало очевидным, что достижение стратегических целей на период до 2025 года останется благим пожеланием. По мнению авторов, увеличение численности населения в ДВФО с 8,3 млн в 2020 году до 8,6 млн в 2021 году не будет достигнуто при сохранении действующей парадигмы развития и управления Дальним Востоком, даже при включении Бурятии и Забайкалья в состав Дальневосточного федерального округа в 2018 году, которые формально увеличили количество дальневосточников. Столь неутешительный вывод о реалистичности достижения поставленных среднесрочных целей в новой национальной программе подтверждается официальными статистическими данными по итогам 2021 года. В частности, практически во всех регионах Дальнего Востока сохраняется естественная убыль населения при отрицательном сальдо его миграции, а также существенное превышение цен на продукты питания и услуги, включая Интернет, по сравнению с западными регионами страны.

Заключение

Представленные результаты исследования проблем реализации программного подхода к восстановлению производственного и демографического потенциалов российского Дальнего Востока за последние 30 лет и выявленные при этом негативные тенденции позволяют считать обоснованными проведение актуализации государственной политики развития этого стратегически важного макрорегиона. По мнению авторов, она должна предполагать прежде всего объективную инвентаризацию всех важнейших составляющих достигнутого к настоящему времени социально-экономического состояния с широким обсуждением её итогов на очередном Восточном экономическом форуме. В качестве обязательной информационной базы такого аудита должны стать итоги проведенной в 2021 г. переписи дальневосточного населения, которые до настоящего времени остаются неопубликованными в открытой печати. Фундаментальной экономической основой достижения среднесрочных целей национальной программы в период до 2025 года может стать утверждение на федеральном уровне нового бюджетного кодекса и корректировка закона межбюджетных отношений, ориентированного на существенное увеличение долей налоговых доходов на региональном и муниципальных уровнях, что в порядке эксперимента вполне оправданно сделать для Дальневосточного федерального округа. Общественным приоритетом при этом должно стать стопроцентное выполнение российским государством всех программных обязательств по сдаче в эксплуатацию намеченных на Дальнем Востоке объектов социальной и транспортной инфраструктуры, прежде всего здравоохранения и образования.

Список источников

1. Авдеев Ю.А. О демографической политике для российского Дальнего Востока // Статистика и Экономика. 2017. № 6. С. 59–68.

2. Динамика численности населения Дальневосточного федерального округа по данным на 1 января каждого года, тыс. чел. // Росстат. Москва, 2021. С. 171.
3. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития после кризиса: от больших проектов к институциональной модернизации // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 226–230.
4. Латкин А.П. Сравнительная стоимость жизни как ключевой фактор развития российского Дальнего Востока // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2017. № 3. С. 47–56.
5. Восточный экономический форум. URL: forumvostok.ru.
6. Минакир П. А. Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа // Пространственная экономика. 2019. № 1. С. 7–17.
7. Минакир П. А., Прокапало О.М. Централизация и автономизация как факторы социально-экономического развития Дальнего Востока России // Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 24–41.
8. Основные показатели социально-экономического положения регионов ДФО // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. 2014. I ч. С. 30–36.
9. Основные показатели социально-экономического положения регионов ДФО в 2013 г. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. 2014. I ч. С. 50–58.
10. Послание Президента Федеральному Собранию, 12 декабря 2013 года, 13:15 Москва, Кремль // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825>.
11. Программа дальневосточного гектара // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: minvr.gov.ru.
12. Указ Президента Российской Федерации от 26.06.2020 г. № 427. О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока // Президент России. URL: kremlin.ru.
13. Adda, Iacopo. L'Extreme-Orient russe: un acteur central dans le glissement de la Federation de Russie a l'Est // Global Studies Institute de L'Universite de Geneve. Collection Europa. 2015. Vol. 84. P. 140–143.
14. Malle S., Cooper J. The pendulum moves from Europe to Asia. Modernizing Siberia and the Far East. Economic and security issues // Journal of Eurasian Studies. 2014. № 5. P. 21–38.

References

1. Avdeev Yu.A. On demographic policy for the Russian Far East. *Statistics and Economics*. 2017; (6): 59–68. (In Russ.).
2. The dynamics of the population of the Far Eastern Federal District as of January 1 of each year, thousand people. Moscow: Rosstat; 2021. P. 171. (In Russ.).
3. Zubarevich N.V. Strategy of spatial development after the crisis: from large projects to institutional modernization. *Journal of the New Economic Association*. 2015; 2 (26): 226–230. (In Russ.).
4. Latkin A.P. Comparative cost of living as a key factor in the development of the Russian Far East. *Territory of new opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*. 2017; 9 (3): 47–56 (In Russ.).
5. Eastern Economic Forum. URL: forumvostok.ru. (In Russ.).
6. Minakir P.A. Far Eastern institutional innovations: imitation of a new stage. *Spatial economics*. 2019; (1): 7–17 (In Russ.).
7. Minakir P.A., Prokapalo O.M. Centralization and autonomy as factors of socio-economic development of the Russian Far East. *Economic and social changes*. 2017; (6): 24–41. (In Russ.).

8. The main indicators of the socio-economic situation of the regions of the Far Eastern Federal District. *Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Primorsky Territory*. 2014; (1): 30–36. (In Russ.).
9. The main indicators of the socio-economic situation of the regions of the Far Eastern Federal District in 2013. *Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Primorsky Territory*. 2014; (1): 50–58. (In Russ.).
10. Presidential Address to the Federal Assembly, December 12, 2013, 13:15 Moscow, Kremlin. *President of Russia*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825>. (In Russ.).
11. Far Eastern hectare program. *Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East and the Arctic*. URL: minvr.gov.ru. (In Russ.).
12. Decree of the President of the Russian Federation of 26.06.2020 № 427. On measures for the socio-economic development of the Far East. *President of Russia*. URL: kremlin.ru. (In Russ.).
13. Adda, Iacopo. L'Extreme-Orient russe: un acteur central dans le glissement de la Federation de Russie a l'Est. *Global Studies Institute de L'Universite de Geneve. Collection Europa*. 2015. Vol. 84. P. 140–143.
14. Malle S., Cooper J. The pendulum moves from Europe to Asia. Modernizing Siberia and the Far East. Economic and security issues. *Journal of Eurasian Studies*. 2014. № 5. P. 21–38.

Информация об авторах:

Латкин Александр Павлович, д-р экон. наук, профессор кафедры экономики и управления ВГУЭС, г. Владивосток. E-mail: Aleksandr.LatkinP@vvsu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0024-0229>

Макиевская Юлия Юрьевна, аспирант 1-го года обучения кафедры экономики и управления ВГУЭС, г. Владивосток. E-mail: ulyskal@mail.ru.

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-2/068-077>

Дата поступления:
12.04.2022

Одобрена после рецензирования:
04.05.2022

Принята к публикации:
11.05.2022